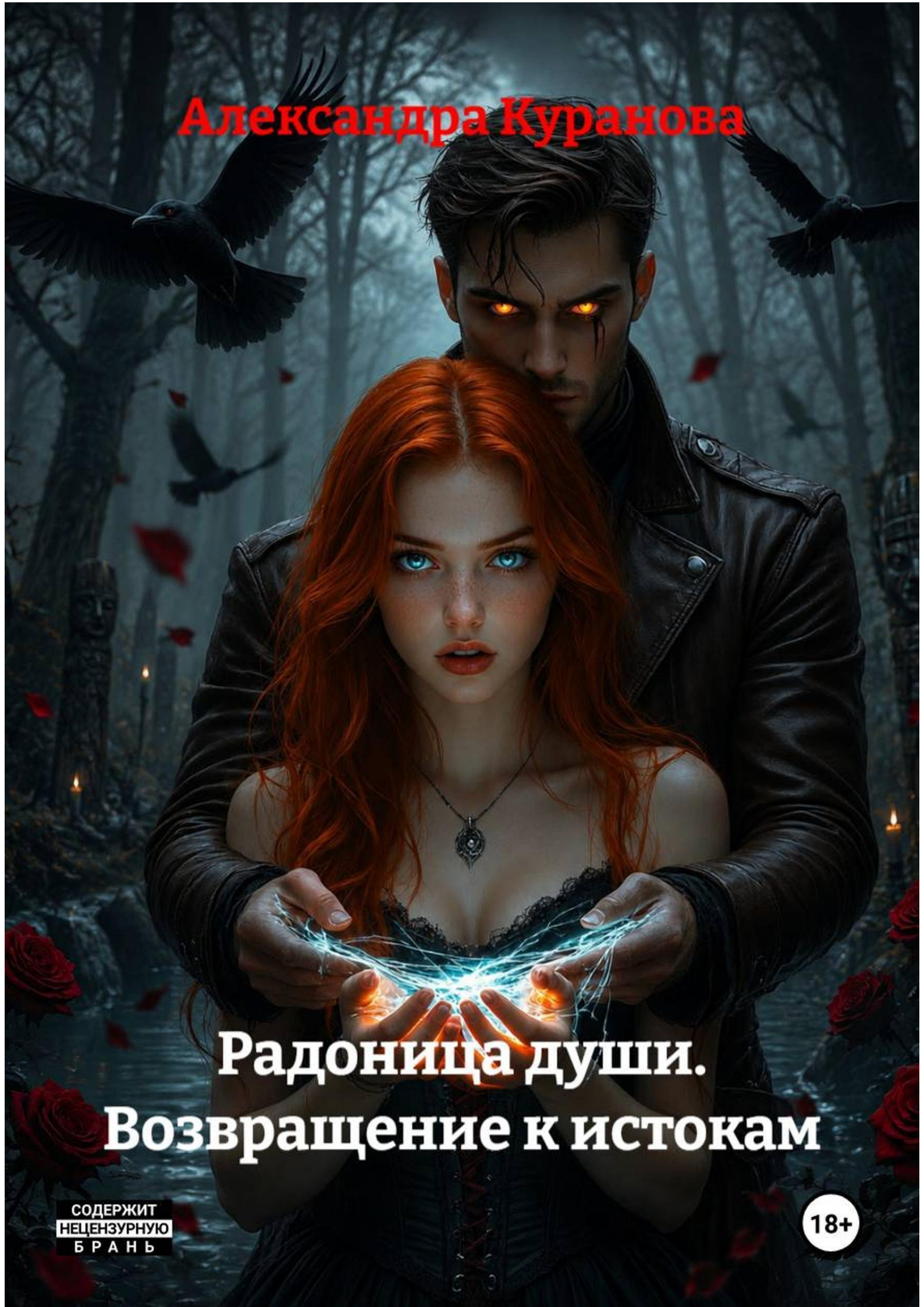

Александра Куранова

Радоница души.
Возвращение к истокам

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хранители традиций

Александра Куранова

**Радоница души.
Возвращение к истокам**

«Автор»

2026

Куранова А.

Радоница души. Возвращение к истокам / А. Куранова —
«Автор», 2026 — (Хранители традиций)

Атмосферный роман позволит Вам погрузиться в мир современной девушки Рады, которая, разрываясь между городской жизнью и родными корнями, приезжает в Кубанскую станицу к тёте Марусе. В этом удивительном путешествии героиня не только восстанавливает связь с предками и семейными традициями, но и открывает в себе древний дар — способность видеть и слышать то, что скрыто от обычных глаз. Это история самопознания и поиска себя через призму семейных традиций, древних обычаев и мистических событий. Книга будет интересна тем, кто ценит: атмосферные произведения о малой родине, истории о поиске себя и своего места в мире, произведения, где переплетаются реальность и фольклорная мистика, семейные саги с глубоким психологическим подтекстом.

© Куранова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, где живут традиции	5
Глава 2. Пчёлы и страхи	13
Глава 3. Тайны трёх миров	23
Глава 4. Пробуждение силы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александра Куранова

Радоница души. Возвращение к истокам

Глава 1. Дом, где живут традиции

Рада теснилась в очереди на междугородний автобус. Автовокзал был переполнен людьми — и это было неудивительно: в преддверии великого праздника многие горожане покидали душный миллионник, стремясь провести выходные на дачах, у моря или в отдалённых глубинках России, лишённых инфраструктуры и связи.

Близились Пасха, а следом — Радоница. Потому большинство людей хотело собраться семьями, чтобы по традиции отпраздновать приход весны и помянуть умерших предков. И Рада была не исключение — ежегодно она брала отпуск за несколько дней до Пасхи и уезжала в родную станицу — в Тамань.

В станице у Рады осталась тётка — сестра её отца, которого девушка ни разу не видела за все свои сознательные годы жизни. Она любила и уважала тётю Марусю за тепло и заботу, за поддержку и мудрые наставления, но больше всего — за ненавязчивость. Тётя никогда не давила, не задавала лишних вопросов, а просто была рядом, когда это требовалось.

С приходом весны каждый двор в родной станице оживал после зимы: белили деревья, вымывали фасады домов, готовили землю к посадкам. И каждый год Рада ощущала внутренний призыв долга: она брала отпуск на две недели и уезжала к тётке — помогать по хозяйству. Так девушка отдавала дань уважения родственнице, которая потратила столько сил и времени на её воспитание.

Рада редко пользовалась общественным транспортом, но в родную станицу всегда ездила именно на автобусе. В этом было что-то из детства: синие шторы на запylённых снаружи окнах, место над колесом — приходилось всю дорогу подгибать колени к груди, неработающие дефлекторы над головой и регулярные остановки в каждом населённом пункте.

Голос диспетчера внезапно вырвал Раду из размышлений о малой родине:

— Внимание! Начинается посадка на междугородний автобус № 125 по маршруту «Краснодар—Тамань». Отправление в 14:30, перрон № 3. Просим пассажиров пройти к месту посадки с билетами и багажом.

Рада бросила взгляд на часы.

— Ещё пятнадцать минут посадки и четыре с половиной часа убаюкивающей тряски в наушниках рядом с незнакомыми людьми... Мечта для социофоба, — вырвалось у девушки под нос с лёгкой иронией.

Предоставив билет контролёру, Рада поднялась в автобус, отыскала своё место и, ловко закинув небольшую сумку с вещами на верхнюю полку, устроилась у окна.

Девушка проверила сотовый — от Олега небо ни одного сообщения — телефон молчал, подчеркивая правдоподобность очередной ссоры. С подругами сейчас общаться не хотелось — она не была готова в очередной раз выслушивать нравоучения по поводу её отношений, поэтому Рада решила провести время в пути с новой аудиокнигой — свежайший роман любимого автора уже ждал в электронной читалке.

Рада завязала пышную шевелюру рыжих кудрей в хвост и сразу отгородилась от соседей — надела наушники и погрузилась в прослушивание новой истории, а за окном уже проплывали последние городские кварталы, уступая место размытым линиям полей и лесополос.

На подъезде к станице Рада раздвинула занавески — и невольно улыбнулась. Перед ней раскинулись бескрайние поля виноградников, персиков и черешни, залитые тёплым солнечным светом. Знакомый пейзаж родной земли, такой родной и уютный, наполнил душу теп-

лом. Она вглядывалась в аккуратные ряды деревьев, в игру теней на земле, и чувствовала, как напряжение последних дней тает. Каждый кусочек кубанской земли был обработан с любовью и во благо людей — это она знала с детства, впитывала с рассказами тёти Маруси, с запахом спелых фруктов и терпким ароматом виноградной лозы.

Автобус с шипением распахнул двери и замер на знакомой автостанции. Место было узнаваемое: одна касса с маленьким окошком, красно-белый шлагбаум на въезде и десяток таксистов вдоль обочины. Одни курили, другие листали телефоны, третьи сразу оживлялись при виде выходящих пассажиров: «Куда едем? На море? Довезу быстро!»

Рада отошла на несколько метров от стоянки и глубоко вдохнула. Воздух был влажным после дождя — пахло мокрым асфальтом, остывающим металлом автобусов и далёким солёным дыханием моря. Слегка перебивал эти запахи сладкий, плотный аромат из пекарни напротив — уже больше трёх лет она манила прохожих запахом синнабонов, сделанных по местному рецепту: с корицей, мёдом и парой капель апельсинового масла. Вывеска над входом слегка покачивалась на ветру, обещая «домашнюю выпечку с любовью».

Путь к дому тётки лежал через Сквер Лермонтова. С его аллеи в любое время года открывался потрясающий вид: внизу раскинулась набережная станицы, а за ней — воды Таманского залива и Керченского пролива, а в большом смысле — Чёрного и Азовского морей, сливающиеся на горизонте в единую синеву.

Местные старожилы шутливо говорили, что Тамань омывается ещё одним морем — винным. И в этой шутке была доля правды: виноделие здесь процветало со времён древних греков и не угасло по сей день. На Таманском полуострове работают крупные винодельческие заводы, чьи виноградники покрывают холмы и долины. Благодаря им регион обеспечивает около четверти валового сбора винограда в России — техническими и столовыми сортами, дарящими миру знаменитые местные вина. Каждый раз приезжая сюда, Рада прикупала несколько бутылочек тихого вина для вечерних посиделок с подругами.

Середина весны в станице: деревья только начинали пробуждаться, украшая аллеи редким розовым и белым цветением. Персики и сливы зацветали первыми — их нежные лепестки дрожали на ветру, словно робкие приветствия теплу.

Рада подошла к знакомой до боли в груди калитке. Бледно-зелёная арочная металлическая калитка была заплетена диким виноградом — сейчас от него виднелись лишь серо-коричневые ветви, сухие и хрупкие на вид. Но Рада знала: под этой зимней корой уже пробуждается жизнь.

Руки девушки помнили, как попасть во двор — достаточно было слегка приподнять ручку и немного толкнуть калитку — и та отзывалась тихим скрипом, будто узнавая гостью.

Через двор тянулась узкая тропинка, выложенная мелкой плиткой. По сторонам её украшали розы и древовидные пионы — пока ещё сонные, с едва набухшими почками, они лишь робко пробуждались к жизни.

Собак у тёти Маруси никогда не было, зато котов во дворе хватало с лихвой: они грелись на солнце, дремали в тени крыльца, шныряли между грядками. К ногам девушки тут же прильнул белоснежный кот Василий, громко замурлыкал и потерся головой о её синие джинсы, оставив несколько пушистых шерстинок — обязательный ритуал приветствия после долгой разлуки.

Еще пара шагов, и Рада стояла на пороге маленького, но такого родного, одноэтажного саманного домика. В нём было всего две жилые маленькие комнаты, одна большая — гостевая, и маленькая кухня. Таких было много в станице, но родным был только один.

— Тётя Маруся?! — Рада окрикнула родственницу приоткрыв тяжелую, выкрашенную в кирпичный цвет, деревянную дверь.

— Рада! Девочка моя! — из глубины дома раздался тёплый, чуть хриловатый голос, мгновенно уносящий девушку в детство. — Проходи, чего в дверях встала!

Переступив порог дома, Рада глубоко вдохнула родные запахи. В воздухе витал едва уловимый аромат сырой извести на стенах — терпкий, землистый, напоминающий о дождливых днях детства. К нему примешивался уютный запах еды из дровяной печи: что-то томилось там часами, насыщая пространство теплом и сытостью. А поверх всего разливался тонкий аромат травяного чая ручного сбора — тётя Маруся всегда сушила зверобой, мяту и душицу на чердаке, и сейчас этот знакомый букет мгновенно успокоил Раду, словно говоря: «Ты дома».

Седовласая старушка вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Её худощавое лицо озабочено тонкой улыбкой, а морщинки вокруг голубых глаз собрались в лучистые звёздочки при виде племянницы.

— Как добралась? — она обняла Раду, окутав её запахом тёплых пирожков и борща.

— Всё хорошо, — улыбнулась Рада, и чуть наклонилась, обнимая в ответ. — Смотрю, у тебя всё как всегда: полный двор котов и свежие пирожки в доме.

— Естественно, куда ж без этого, — подмигнула тётя. — Проходи, поди умаялась в дороге?

— Немного, — честно призналась девушка.

— Сейчас я тебя накормлю. Ты в своём городе совсем истощала! Кожа да кости остались! — тётя повела Раду в большую комнату и усадила за стол, накрытый цветастой скатертью. — Ну, рассказывай, как поживаешь?

— Да как-как?! Работы много, свободного времени мало... замуж еще не вышла, — подытожила девушка.

— С такой жизнью — старой девой и помрёшь! Я по телевизору слышала, что с экологией в городе совсем плохо стало, — вздохнула тётя Маруся.

— Тётя, я понимаю, что ты волнуешься, — Рада взяла тётину руку. — Но знаешь, я ведь уже не та девочка, что уезжала отсюда семь лет назад. Город стал моим домом. Да, там шумно, суетно, пробки, толпы — но в этом есть своя... магия. Я люблю, когда вокруг кипит жизнь: когда по утрам кофе в кофейне, днём — встречи с коллегами, вечером — театр или прогулка по центральной улице. Да, это не тишина станицы, но мне это близко. Я нашла там своё место.

— Я тебе всегда говорила: «Хвали заморье, а седи дома». Тут твой дом, Рада!

— Тётя, ну перестань! — Рада села за стол, но не смогла сдержать улыбки. — Давай просто поедим, ладно? Я так соскучилась по твоим пирожкам!

— Вот и славно. Но сначала — борщ, — скомандовала тётя Маруся, ставя перед племянницей тарелку с дымящим борщом. — Я и пампушек к нему напекла! Ты поди совсем позабыла, какие они на вкус...

— Как можно-то! — девушка принялась уплетать борщ в прикуску с чесночными пампушками.

— Спасибо, что приехала, — тётя Маруся поставила на стол глиняные чашки с заварником, тарелку румяных печеных пирожков, и присела рядом с племянницей.

— Я не могла оставить тебя одну. Я помню, сколько в саду работы по весне.

— Да, нужно привести дом и усадьбу в порядок — как делали испокон веков перед Пасхой. Обрезать сухие ветки на яблонях и грушах, аккуратно проредить кусты смородины. Стволы деревьев побелить известью — чтобы и вредители не добрались, и вид был праздничный, будто в белых рубахах стоят. Крыльцо и дорожку к калитке следует отмыть от зимней грязи, вымести прошлогодние листья из углов двора. На клумбах — разрыхлить землю, подсыпать перегноя, высадить первые цветы: тюльпаны да нарциссы — к празднику как раз зацветут.

Рада помнила — всё это было не просто уборкой — а древним обрядом: вместе с весной и праздником очищать дом и двор, готовить его к новому циклу жизни. Это было важно для тёти.

— Не переживай, — Рада накрыла тётину руку своей, — мы справимся. Завтра с утра в сад, потом дом. Я тебе помогу во всём. Главное — чтобы ты не уставала.

— С тобой и работа в радость, — улыбнулась тётя. — К празднику всё должно быть готово! Украсим двор вербными ветками у калитки — они уже пушистые, как пасхальный кулич. На перила крыльца повесим вышитые рушники с петухами — символ воскресения, помнишь? А на уличном столе постелем белую скатерть — символ чистоты и обновления.

— И куличи испечём, — подхватила Рада. — С глазурью, чтобы блестели, и с цукатами.

— Да, и крашенки приготовим — как всегда. Красные — в честь Ярилы-солнца, жёлтые — в знак весеннего тепла, зелёные — для обновления природы. Я уже луковую шелуху собрала, куркуму приготовила. А ещё сделаем писанки — с узорами, как бабушка учила: круги — солнце, зигзаги — дождь, ромбы — земля плодородная.

— О, я помню эти узоры! — улыбнулась Рада. — И как мы их раскладывали на белой скатерти, рядом с караваями и творожным пирогом.

— Вот-вот! — кивнула тётя Маруся.

— Тётя, а на Радоницу пойдём на кладбище? — осторожно спросила Рада. — Нужно прибраться у бабушки с дедушкой.

— Конечно, пойдём, — кивнула тётя Маруся, и голос её стал тише, теплее. — Как же без этого? На девятый день после Пасхи — самое время. Возьмём с собой крашенки, кулич, цветы. Я ещё испеку маленькие пирожки — бабушка их так любила.

— Помнишь, она всегда говорила: «На Радоницу предки нас встречают, потому и день такой — радостный, а не скорбный»? — улыбнулась Рада.

— Точно, — кивнула тётя. — И яйца на могилку положим: одно закопаем чуть в землю — в дар, остальные раскрошим птицам. Говорят, птицы заступятся за души перед Богом. А потом просто посидим, помолчим, вспомним их. Не спеша, с любовью.

— Я возьму вербу, — подхватила Рада, — поставлю у памятника.

— Хорошо, — одобрила тётя. — Так и сделаем. А после вернёмся сюда, соберём родных за столом. Бабушка бы порадовалась, что семья вместе, что память жива.

— Да, — тихо сказала Рада. — Это и есть настоящая Радоница: помнить, любить и радоваться, что они были в нашей жизни.

— Именно так, девочка моя, — тётя обняла Раду за плечи. — И в этом — наша сила.

— Тётя, я несколько раз спрашивала тебя про родителей..., — замялась Рада, — но ты всегда уходила от ответа.

— Нечего тут рассказывать, — оборвала тётка. Её голос прозвучал жестко и хрипло. — И не спрашивай меня больше! Тебя воспитали дед с бабкой и я.

Они посидели молча еще несколько минут. Пили душистый чай с чабрецом, и каждая размышляла о своём. Молчание, окутавшее их не давило, но сковывало.

Рада украдкой бросала взгляд на тётю — её лицо оставалось непроницаемым, лишь в глубине глаз таилась боль, которую она так старательно пыталась скрыть.

Тётя Маруся первой нарушила тишину, заметив, как устало выглядит племянница.

— Ну что, дорогая, — мягко произнесла она, — вижу, ты сегодня намаялась. Пойдём, провожу тебя до кровати. Завтра нас ждёт много дел.

Малая комната Рады по-прежнему хранила в себе особый уют и тепло семейного очага. Под глухой стеной располагалась металлическая кровать с панцирной сеткой, застеленная вышитым покрывалом, чьи узоры хранили в себе память о бабушкиных руках. Три пуховые подушки, словно стражи ночного покоя, возвышались у изголовья, каждая украшенная ажурной вязаной салфеткой — оранжевой, зелёной и голубой.

Прикроватный комод, массивный из натурального дерева, стоял как верный хранитель девичьих тайн. В нем хранились самые ценные для Рады вещи — те, что нельзя было доверить ни чулану, ни шкафу. Его поверхность всё еще сохраняла свою естественную текстуру — местами гладкую, местами чуть шероховатую, что придавало ему особое очарование.

В противоположном углу комнаты, словно часовой, застыло старое кресло-качалка. Его потемневшее от времени дерево рассказывало безмолвные истории прошлых лет, а потертая велюровая обивка, сохранившая следы множества прикосновений, хранила память о тех, кто когда-то сидел в нём.

Окно, рядом с которым располагалось кресло, пропускало мягкий свет, создавая в комнате особую атмосферу. Сквозь него виднелся кусочек внешнего мира, который, казалось, застыл во времени, сохраняя связь между прошлым и настоящим, между памятью и реальностью.

Вся комната дышала историей и теплом домашнего уюта, где каждый предмет имел своё особое значение и место, где прошлое переплеталось с настоящим, создавая неповторимую атмосферу уюта и защищённости.

Рада устроилась на кровати, с растянутой панцирной сетке. Матрас был не самым лучшим — в левом боку чуть прогибался, образуя небольшое углубление. Податливая пуховая подушка мягко приняла голову девушки, и это позволило Раде расслабиться и ощутить то самое, родное чувство дома.

Тётя Маруся накрыла её тяжелым ватным одеялом, и убедившись, что племянница устроилась поудобнее, тихо вышла, прикрыв за собой дверь. В комнате остались лишь потрескивание дров в печи да бледный лунный свет, пробивавшийся сквозь приоткрытые створки окна напротив, вырисовывавший на полу причудливые узоры. А в памяти Маруси вновь всплыл тот далёкий день, когда её сын принёс двухнедельную девочку к порогу их дома. С тех пор прошло двадцать шесть лет, но боль утраты так и не утихла в её сердце...

Рада глубоко вдохнула знакомый запах — дровяной дым, сухие травы, старый саманный дом — и улыбнулась. Она была по-настоящему счастлива в этот момент.

На какое-то время она забыла о вчерашней ссоре с Олегом. Но лишь на время. Оставшись наедине с мыслями, Рада вспомнила вчерашний день в мельчайших подробностях — так ярко, будто всё происходило снова, прямо здесь и сейчас.

Олег в очередной раз пропал на несколько дней, сославшись на срочную работу. Рада хотела познакомить его с тётей и предлагала поехать с ней в станицу — для неё это был не просто визит, а важный шаг, возможность показать ему свой дом, корни, людей, которые ей дороги. Но у него, как всегда, были другие планы на эти выходные.

Когда девушка всё же решила ехать сама, Олег приехал с букетом алых роз и её любимым десертом — шоколадным суфле в изящной коробочке. Он выглядел безупречно, как всегда: идеально подстриженные каштановые волосы аккуратно уложены, тёмно-синяя рубашка подчёркивала худощавую фигуру среднего роста.

После краткого «извини» у них был страстный секс. Обычно на этом обиды и ссоры заканчивались, однако в этот раз Рада не отступилась от своей позиции — она собралась ехать к тётке на две недели.

Естественно, эгоцентричному Олегу это не понравилось. Он уже предупредил друзей, что приедет на шашлыки с подругой.

— Неужели тебе не нравятся наши отношения? — спросил он, слегка приподняв бровь, будто задавал самый очевидный вопрос на свете, а она вела себя как капризный ребёнок. Его овальное лицо вытянулось, а карие глаза смотрели с лёгким недоумением, почти снисходительно.

— Конечно, нравятся! — Рада испуганно подошла к нему, чувствуя, как внутри нарастает тревога, сдавливая грудь. — Просто я хочу, чтобы ты познакомился с моей семьёй. Это важно для меня. Очень важно.

— Важнее, чем мои планы? — Олег слегка усмехнулся, отложил десерт на стол с нарочитой небрежностью и скрестил худощавые руки на груди. Он слегка качнулся с носков на пятки

— привычная поза, когда он чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. — Рада, ты опять всё портишь. Я же приехал, принёс цветы, извинился. А у тебя вечно какие-то претензии! Чего ещё ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты хоть раз подумал обо мне, — тихо сказала она, и голос дрогнул. — Чтобы ты отнёсся с уважением к тому, что для меня ценно. Чтобы увидел во мне не просто... дополнение к своим планам.

— Уважение? — Он сделал шаг назад, провёл рукой по волосам, чуть сбивая идеальную укладку, и покачал головой, словно она сказала что-то нелепое, почти смешное.

В его потемневших глазах мелькнуло раздражение, которое тут же сменилось привычной маской превосходства. Парой движений он поправил волосы в изначальное состояние, и с непоколебимым лицом, продолжил:

— Ты выставляешь меня плохим, хотя я делаю всё, чтобы ты была счастлива! Цветы, подарки, внимание... Что тебе ещё нужно?

— Не подарки, а участие, — голос Рады зазвучал твёрже, но в глазах уже стояли слёзы. — Я хочу, чтобы ты был рядом не только тогда, когда тебе удобно. Чтобы ты понимал, что у меня тоже есть чувства, желания, потребности... Что я — не аксессуар.

— Ох, опять эти «чувства», — Олег закатил узкие глаза и снова взъерошил волосы, будто пытаясь стереть саму мысль о необходимости вникать в её переживания. Его худощавая фигура казалась сейчас особенно напряжённой, почти отчуждённой. — Рада, ты слишком драматизируешь. Я не могу всё бросать ради твоих капризов и неуправляемых эмоций. Услышь меня! Повторюсь в последний раз — у меня бизнес! Обязанности! Проекты! Друзья, в конце концов!

Он чеканил каждое слово, подчеркивая, что её нет в этом «сверхважном» списке.

— Это не капризы, — она сжала кулаки, стараясь не дать волю слезам, но голос уже срывался. — Я просто хочу нормальных отношений. Где мы оба учитываем желания друг друга. Где я не должна умолять о минуте твоего внимания!

— Нормальных? — Он рассмеялся коротким, холодным смехом, от которого по спине Рады пробежал ледяной озноб. В этот момент его скулы напряглись, делая впадины на щеках глубже, а в карих глазах сверкнул жесткий, почти безжалостный блеск. — Да ты задолбала уже со своими предъявами! Что тебе не нравится, бл*дь?! Может, тебе просто нравится чувствовать себя жертвой?

Рада замерла. Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала — будто кто-то вонзил нож в самое сердце и провернул.

— Ты правда так думаешь? — прошептала она, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— А разве нет? — Олег пожал плечами. — Ты сама создаёшь проблемы, а потом обижаешься. Я же стараюсь — вот, приехал, извинился, принёс то, что ты любишь. Чего тебе ещё надо?

— Мне нужно, чтобы ты меня слышал, — она подняла глаза, и в них уже не было страха, только горькое, обжигающее понимание. — Но ты не слышишь. Ты слышишь только себя. Ты даже не пытаешься понять, что я чувствую.

Он помолчал, потом вздохнул с видом человека, которого несправедливо обвинили в преступлении:

— Ты реально думаешь, что весь мир крутится вокруг твоей еб*ной персоны? Нашла, блин, проблему! Хотя знаешь, что — если тебе так важно поехать — езжай. Но не жди, что я буду подстраиваться под твои капризы!

Он резко схватил куртку, небрежно смахнул букет на диван — лепестки роз разлетелись по полу, как капли крови. Затем направился к двери. Уже на пороге обернулся:

— Позвони, когда успокоишься!

Дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Рада осталась стоять посреди комнаты, глядя на разбросанные лепестки и коробку с десертом, которая теперь казалась насмеш-

кой — горьким напоминанием о том, чего никогда не было: любви, уважения, настоящей близости.

Она медленно опустилась на диван, подняла один лепесток, сжала в ладони. В груди разрасталась пустота — огромная, тёмная, бездонная. И в этот момент она впервые позволила себе признать правду, которую так долго прятала даже от себя: он не способен на настоящую близость — только на красивые жесты, когда это удобно ему. Эти отношения — как этот букет: красивые снаружи, но уже умирающие, осыпающиеся, оставляющие после себя лишь шипы.

И впервые за полгода отношений Рада почувствовала не просто обиду — а пустоту.

Рада снова и снова прокручивала в голове его последние слова. Фраза «Позвони, когда успокоишься» звучала в ушах назойливым эхом, царапала изнутри, не давала сосредоточиться. Про их ссору она ещё никому не успела рассказать. Подруги давно говорили, что он играет на её чувствах, но Рада каждый раз находила способ оправдать его: «Он рос без отца», «Его предала любимая девушка, и теперь он боится новых отношений и новых чувств», «Я смогу вернуть ему веру в отношения и способность любить».

Но сейчас эти оправдания казались хрупкими, как паутина. Она вдруг отчётливо увидела закономерность: каждый раз после очередного всплеска эйфории рядом с ним он пропадал на несколько дней. Рада грустила, скучала и снова оправдывала его молчание: «Он очень занят», «Он боится сделать следующий шаг», «Ему нужно дать время» ... А теперь — вот оно, прямое подтверждение: когда её желания столкнулись с его планами, выбор был сделан мгновенно. Без колебаний. Без попытки понять.

Мысли крутились в голове, как осенние листья на ветру. Рада лежала на кровати в комнате тёти, глядя в потолок, по которому плясали причудливые тени от лунного света через окошко. Вечер окутал станицу мягким сумраком, воздух за окном наполнился запахом сухой травы и дымка от печных труб.

Тётя не захотела проводить газ в дом — хотела сохранить всё так, как было при бабушке и дедушке: ту же печь, тот же порядок, ту же связь времён. И сейчас, лёжа в тишине и слушая этот мерный треск, Рада почувствовала, как эта связь действительно оживает. В этом доме всё дышало памятью: старинная скатерть на столе, фотографии в потемневших рамках, запах свежееиспечённого хлеба, который тётя всегда оставляла на ночь под полотенцем.

Напряжение дня постепенно отпускало. Тепло, проникающее в комнату от печи, привычный уют и тишина действовали успокаивающе. Мысли о ссоре с Олегом отступали на второй план, уступая место чему-то более глубокому — ощущению опоры, корней, принадлежности к чему-то настоящему.

Рада подтянула к себе тяжелое ватное одеяло, свернулась клубочком и закрыла глаза. Дыхание выровнялось, мысли стали расплываться, теряя чёткость. Она чувствовала, как усталость мягко обволакивает тело, а тревоги отступают, словно отступая за невидимую границу.

Девушка быстро провалилась в сон, убаюканная теплом и памятью рода — той самой незримой нитью, которая, казалось, могла исцелить любую душевную рану. В полудрёме ей чудилось, будто кто-то невидимый гладит её по волосам, шепчет старинные слова утешения, переданные через поколения. И впервые за долгое время она позволила себе просто быть — без оправданий, без попыток всё объяснить и исправить. Просто быть здесь и сейчас.

Печка уже давно погасла — из поддувала тянул прохладный ночной воздух. Рада чувствовала, как холод пробежал по спине. Она обернулась к тёмному углу, который пугал её с детства: крошечная тьма словно тянула свои пальцы прямо к ней, растекаясь по стенам дома.

Сон накатил внезапно — липкий, вязкий, будто болотная топь. Рада оказалась в той же комнате, но всё вокруг изменилось. Луна за окном застыла, не двигаясь, а тени в углу за печкой сгустились, приняв очертания чего-то древнего и недоброго.

Из темноты послышалось шуршание — будто множество тонких пальцев скребут по дереву. Затем раздался шёпот, похожий на шелест сухой травы: «Рада... Рада... Помнишь ли ты меня?» Голос был одновременно детский и старческий, будто принадлежал существу, жившему слишком долго.

Тьма в углу начала принимать форму. Сначала появились длинные, искривлённые руки с пальцами, оканчивающимися когтями. Затем проступило лицо — бледное, с запавшими глазами и растрёпанными волосами, прилипшими к щекам. Существо медленно выплыло из тени, ступая бесшумно, словно скользя по воздуху.

«Ты обещала играть со мной... — прошипело оно, и от его дыхания на стенах выступила изморозь. — Каждый раз, когда ты засыпала, я ждал. Ты забыла... а забывать нельзя».

Рада чувствовала, как в комнате тут же похолодало — каждый её вдох обжигал легкие морозом. Окно, через которое еще просматривалась застывшая луна, тут же запотело, покрывшись морозным узором.

Она хотела закричать, но голос пропал. Хотела отскочить к окну — тело не слушалось. Существо приближалось, и с каждым шагом комната сжималась, потолок опускался, стены давили. Луна за окном налилась кроваво-красным светом, опуская на пол кровавые узоры.

Девушка ощупала кровать в поисках хоть чего-то, что могло помочь защититься, но рядом оказался лишь телефон. Она включила фонарик и направила свет на подступающую тьму, но это оказалось бесполезно. Существо словно питалось светом, становясь лишь сильнее.

Существо протянуло руку — ледяную, покрытую длинными волосами и тиной, которая воняла протухшей рыбой. «Раз уж забыла игру, — прошептало оно, — теперь будешь моей...» Его пальцы почти коснулись её лба, когда...

Рада резко распахнула глаза.

Она села на кровать, тяжело дыша, вся в холодном поту. В углу за печкой было тихо и пусто. Только лунный свет по-прежнему лежал на полу бледной дорожкой.

«Приснилось же...», — подумала девушка, но тут же обнаружила телефон с включенным фонариком. По спине пробежали холодные искры, пробирающие до костей.

Где-то далеко, за пределами дома, прокричал сыч — один раз, другой. И в этот момент Рада вспомнила тёткину поговорку: «Сыч — не к добру кличь...».

Она подтянула колени к груди, закуталась в ватное одеяло и долго смотрела в угол, пока первые лучи рассвета не начали пробиваться сквозь окно, разгоняя остатки тьмы.

Глава 2. Пчёлы и страхи

Утро в тёткином доме отозвалось на Раде синяками под глазами и болью в пояснице из-за продавленного матраса. Хотя тётя Маруся и не любила всё новое и современное, но утренний кофе был незыблемой традицией и в этом доме — как приветствие новому дню, как ритуал, связывающий поколения. И Рада была этому несказанно рада.

— Что-то ты выглядишь уставшей. Неужто всю ночь женихи снились? — тётя Маруся шутливо улыбнулась, ставя перед Радой тарелку с пышными сырниками, политыми мёдом, и чашку для кофе. Аромат свежесваренного напитка смешался с запахом сдобы и летнего мёда, наполняя комнату теплом и уютом.

Рада улыбнулась в ответ, но улыбка вышла натянутой. Она машинально поправила прядь рыжих кудрей, выбившуюся из хвоста, и её серебристо-голубые глаза на мгновение затуманились. Мягкие черты лица — высокий лоб и чуть вздёрнутый нос — сейчас казались более острыми из-за лёгкой бледности.

— Да какие женихи, тётя! — она поспешила налить себе кофе из глиняного заварника — того самого, что стоял в этом доме ещё при бабушке.

— Ну как же, — покачала головой тётя, усаживаясь напротив, — ты вон какая видная невеста: глаза ясные, лицо светлое, хоть и худощавая немного. Да это ничего — откормим, в самый раз к лету!

Рада горько улыбнулась. Для тёти она, может, и «худощавая», а вот под городские стандарты идеала никак не подходила. При росте 165 см она весила 71 кг — не пышка, но и не та хрупкая фигурка, что мелькает на обложках журналов.

— Нет, сегодня женихи не снились, — Рада непроизвольно вздрогнула, вспоминая ночной кошмар. Её взгляд метнулся к углу за печкой — туда, где с детства мерещилось что-то недоброе. Сейчас здесь не было ничего необычного: старый веник с облезлыми прутьями, совок с длинной ручкой и ведро с дровами, аккуратно сложенными до вечера. Ни тени, ни движения — только солнечный луч, пробившийся сквозь занавеску, лёг на половицу золотистой полосой.

— А что же тогда тебя беспокоит? — голос тёти стал мягче, в нём зазвучала тревога. Она наклонилась вперёд, опершись локтями о стол, и внимательно посмотрела на племянницу.

Рада помедлила, помешивая кофе ложкой. Ей вдруг захотелось поделиться тем, что тяготило душу.

— Мне... снился странный сон, — тихо сказала она. — Опять тот угол за печкой. Будто там кто-то есть — тёмный, с длинными руками, и шептал что-то непонятное. Как в детстве.

Тётя Маруся на мгновение замерла, и воздух в комнате стал гуще. Она медленно перекрестилась — машинально, по привычке, но пальцы на мгновение задержались у лба, будто она мысленно произнесла ещё что-то, не для чужих ушей.

— Ах, это, — она слегка улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, а в потемневших голубых глазах читалась не просто серьёзность — древняя, затаённая настороженность. — Я тоже в детстве его видела. Бабушка говорила, что это домовой. Не злой, но строгий. Он следит, чтобы в доме порядок был, чтобы традиции не забывали. А если напугал — значит, напоминание какое-то. Может, ты что-то забыла сделать или сказать?

Рада задумалась. В словах тёти было что-то успокаивающее — будто страх, обретший имя, уже не казался таким всепоглощающим. Но где-то глубоко внутри, под слоем здравого смысла, шевельнулось что-то ещё: смутное воспоминание, будто этот шёпот из сна она слышала не впервые, будто он звучал где-то на границе памяти много лет подряд.

— Почему он приходит? Откуда он вообще? — спросила она, и голос прозвучал чуть тише, чем она хотела.

— Ты ничего не помнишь? — Тётя Маруся посмотрела на неё пристально, и в этом взгляде Рада уловила тень чего-то большего, чем просто воспоминание. — Бабушка в детстве рассказывала тебе много легенд.

— Ничего...

— Это не удивительно, — вздохнула тётя, и её взгляд скользнул к углу за печкой, будто она на мгновение увидела там то, что не могла назвать вслух. — В городе всё забывается. Домовой — покровитель дома. Его считают «хозяином» жилища. Он отвечает за благополучие семьи, здоровье людей и животных. Бабушка говорила, что домовый — это дух умершего основателя рода или члена семьи, наказанного за грехи и отправленного служить живым родственникам.

Рада невольно повернула голову в сторону печки. Тени в углу казались гуще, чем раньше, а половица у стены скрипнула — будто кто-то сделал шаг и замер.

— И чего он делал за печкой? — прошептала она.

— Да ничего он там не делал, — рассмеялась тётя, но смех получился коротким, нервным, и она поспешно поправила платок на плечах. — Он там живёт. Поддерживает огонь в печи, убирает дом. Поэтому ты его около печки и увидела. Рада, я думаю, что глубоко в памяти у тебя сохранились бабушкины рассказы. И когда ты приехала домой, всё начало вспоминаться. Вот тебе и наснилось.

— Может, и правда, — кивнула она. — Просто сон.

— Вот и славно, — тётя подтолкнула к ней тарелку. — Ешь сырники, пока горячие. А после — пойдём в сад. Солнце уже высоко, пора за работу. Свежий воздух и цветы прогонят все дурные сны.

Рада улыбнулась по-настоящему, взяла сырник и откусила. Он был сладким, тёплым, как детство. И страх, ещё недавно сжимавший сердце, начал таять под лучами утреннего солнца, пробивавшегося сквозь кружевные занавески на окне, и заботой родного человека.

Утренняя прохлада окутала сад, где каждая травинка искрилась капельками росы, под первыми лучами солнца. Яблони, ещё не сбросившие остатки зимнего сна, стояли величественно и спокойно, их ветви тихо покачивались от лёгкого ветерка, роняя на землю редкие капли влаги.

Мухи, проснувшиеся от зимнего сна, кружили в воздухе, создавая едва уловимый гул, который сливался с птичьим щебетом. Тёплый воздух наполнялся ароматом пробуждающейся природы: влажной земли, молодой зелени и едва уловимым запахом распускающихся почек.

Рада с тётей, вооружившись садовыми инструментами, приступили к весенним заботам. Их руки ловко и уверенно двигались: они выгребали прошлогоднюю листву, которая за зиму превратилась в питательный компост, бережно очищали стволы деревьев от отмершей коры, готовя их к побелке. Известь, словно белоснежные бинты, укрывала стволы, защищая их от палящего солнца и вредителей.

Между делом они прорыхлили кусты роз, чьи спящие почки уже начинали пробуждаться к жизни, обещая вскоре порадовать глаз пышным цветением. Затем, вооружившись специальными растворами, тщательно опрыскали виноградные лозы, защищая будущий урожай от непрошенных гостей.

Каждое движение было наполнено смыслом и заботой о живом существе — будь то старое дерево или молодой росток. В этом утреннем труде чувствовалась особая гармония с природой, когда человек становится продолжателем вечного цикла жизни и возрождения.

Работа в саду отозвалась на Раде болью в спине уже к обеду. Девушка развалилась в большой комнате на лавке под окном и вытянула ноги на старый бледно-красный ковёр, местами протёртый до основы. Тётя уже растопила печку — та тихонько потрескивала, наполняя дом

сухим, уютным теплом, — и поставила греться запечённую свиную грудинку, от которой по комнатам поплыл аппетитный аромат дыма и специй.

Над печкой у тёти всегда сохли букеты ароматных трав и низки яблочной сушки. Рада помнила, как всё детство тайком подбедала сушку перед ужином. Тётка вечно ругала её за то, что перебивает аппетит. Вот и сейчас — рот наполнился слюной от воспоминания кисловатого привкуса подсушенных яблочных колечек.

— Пойдём, поможешь закрутки достать к столу, — позвала тётя Маруся, вытирая руки о передник.

— Тётя, а сало есть? — с надеждой спросила Рада.

— Конечно! Как же без сала-то?! Пойдём в погреб. — Тётя подмигнула и повела Раду вниз, в прохладу старинного погреба, где веками хранились припасы.

Погреб встретил их запахом земли, соли и старого дерева. На полках ровными рядами стояли банки и кадки — настоящие сокровища, собранные на кубанской земле на зиму. Тётя ловко сняла с полки банку квашеной капусты, от которой сразу повеяло кислинкой и укропом, рядом взяла глиняный горшок с солёными груздями — они хрустели в памяти Рады с самого детства. Затем отрезала шмат душистого сала с прослойками мяса, аккуратно завернула его в льняную тряпицу. В завершение достала бутылку медовухи — янтарной, чуть мутноватой, с лёгким медовым духом.

— Вот, — улыбнулась тётя, передавая Раде припасы. — Всё по старинным рецептам, что ещё моей бабушке достались от славянских предков. Капуста — с клюквой да морковью, грибы — на дубовой коре, сало — с чесноком и лаврушкой. А медовуха — по особому рецепту: на диких травах да с липовым мёдом.

Рада с благоговением приняла угощения. Ей вдруг показалось, будто через эти простые продукты она касается чего-то древнего, вечного — той самой нити, что связывает поколения.

— Спасибо, тётя, — тихо сказала она. — Как же хорошо, что ты такая умничка у меня... мне многому стоит научиться у тебя.

— Конечно научишься, — кивнула тётя Маруся. — Это не просто еда, Рада. Это память. Пока мы помним рецепты, храним традиции — живы и наши предки, и наш род. Потом вернешься в свой город и будешь там подружек салом угощать.

— Они его не едят. За фигурой следят.

— Это их дело, а ты давай ешь досыта, а то так до Пасхи иссохнешь вся.

Они поднялись наверх, где уже румянилась в печи грудинка, а на столе ждали тарелки и ложки. Рада поставила на скатерть банку капусты, горшочек грибов, сало и медовуху — всё это выглядело так по-домашнему, так правильно, что на душе сразу стало тепло и спокойно.

— Ну что, — улыбнулась тётя, разливая медовуху по стаканам, — за труд, за дом, за семью?

— За семью, — эхом отозвалась Рада и улыбнулась в ответ.

— Ну рассказывай, что у тебя там с делами сердечными? Когда внуками меня порадуешь?

— Да как-то всё не получается, — Рада отломилла горбушку домашнего хлеба и положила сверху нескромный кусочек сала. — Есть у меня молодой человек, но... понимаешь, мне с ним как-то холодно что ли...

— Бабушка всегда говорила: «Сапог ищет сапога, а лапоть — лаптя». Если ты с ним не счастлива — это не твой человек, — мягко повторила тётя Маруся, разливая медовуху по стаканам.

— Но ведь он хороший, — вздохнула Рада, ковыряя вилкой кусочек грудинки. — Добрый, заботливый... Просто, когда мы вместе, мне как будто... тесно. И разговоры наши — будто по кругу ходим. Он про одно, я про другое.

— Вот-вот! — подхватила тётя. — А знаешь, что ещё бабушка говаривала? «С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь». Если душа не лежит, не надо себя ломать. Лучше подождать того, с кем и молчать будет в радость, и говорить — в лад.

— А вдруг я слишком многого хочу? — неуверенно спросила Рада. — Подружки говорят, что надо ценить то, что есть...

— Ценить — надо, — кивнула тётя, пододвигая к племяннице тарелку с сырниками. — Да только не ценой своей души. Есть такая старинная присказка: «Мягко стелешь — жёстко спать». Коли будешь с ним из одной лишь обязанности — потом горечи наберёшься.

— Но как понять-то, что он — тот самый? — Рада посмотрела на тётю, и на её серебристо-голубых глазах проступило несколько слезинок.

— Да просто, девонька, — улыбнулась тётя, и морщинки у глаз собрались лучиками. — С ним должно быть легко. Как вот сейчас с нами за этим столом: тепло, спокойно, и слова сами находятся.

— То есть главное — чтобы душа радовалась?

— Верно, радость — первый признак. Да ещё вот что: с подходящим человеком ты не боишься быть собой — ни заплаканной, ни сердитой, ни смешной. Он примет тебя всю, как этот дом принимает нас с тобой.

Рада помолчала, обдумывая слова тётя. Она откусила кусочек душистого сала, запила медовухой — сладкой, с лёгкой горчинкой.

— А вот в городе такие приметы не работают, — подметила Рада. — Знаешь, тётя, — улыбнулась она наконец, — мне кажется, я теперь лучше понимаю, чего хочу. Спасибо тебе.

— Ох, да чего уж там, — махнула рукой тётя Маруся, но глаза её засветились гордостью. — Это не я, это бабушкины слова да житейская мудрость. А теперь ешь, пока горячее. Потом я тебе покажу, как бабушка смородиновый квас ставила — тоже рецепт из старых, для бодрости духа и тела!

Рада рассмеялась, чувствуя, как тяжесть, давившая на сердце, уходит. Она взяла ещё один ломтик хлеба, положила на него вилку капусты и с благодарностью посмотрела на тётю:

— Обещаю: когда научусь всему, буду угощать тебя этим квасом в городе. И сало сама буду солить — настоящее, по твоему рецепту.

— Договорились, — подмигнула тётя. — А пока — за понимание, за правду и за то, чтобы каждый нашёл своего человека!

— За это — точно, — подняла стакан Рада. — И за тебя, самая мудрая тётя на свете!

После обеда Рада с тётей занялись уборкой пчелиных ульев. Каждый улей следовало очистить от листвы и паутины, аккуратно подправить крепления и проверить, не появились ли щели, через которые мог бы проникнуть холодный ветер или осы. Пчёлы в это время ещё спали, поэтому Рада не боялась подходить к ним близко. Главное правило — не зацепить улей и не потревожить пчелиную семью раньше времени.

Тётя Маруся надела холщовую куртку с капюшоном и плотную сетку на лицо, а Раде показала, как правильно вооружиться:

— Вот, надень-ка эту куртку — она длинная, защитит руки и плечи. И сетку не забудь: хоть пчёлы и спят, но осторожность лишней не бывает.

— А они точно не проснутся? — с лёгкой опаской спросила Рада, натягивая сетку.

— В такую пору — вряд ли, — успокоила её тётя. — Они сейчас в полусне, силы копят. Но всё равно — двигайся плавно, без резких движений. И голос держи ровный: пчёлы чувствуют настроение. Бабушка всегда говорила: «С пчёлами — как с людьми: криком да силой ничего не добьёшься, а лаской и терпением — весь мёд соберёшь».

Они принялись за работу. Тётя ловко снимала крышки, сметала паутину и старую листву мягкой щёткой, а Рада помогала вычищать углы и протирать деревянные поверхности влаж-

ной тряпкой. Воздух наполнился запахом воска, прополиса и едва уловимой сладостью прошлогоднего мёда.

— Смотри, — указала тётя на одну из рамок внутри улья, — вот здесь следы плесени. Надо будет обработать отваром полыни, чтобы не распространялась. А вот тут — видишь, восковые наросты? Их аккуратно снимем, потом перетопим на свечи. Ничего у нас не пропадает зря!

— А как ты всё это запоминаешь? — восхищённо спросила Рада. — Столько тонкостей...

— Опыт, девонька, — улыбнулась тётя, не отрываясь от дела. — Бабушка меня с малых лет учила. Говорила: «Пчёлы — они как семья: за ними ухаживать надо с душой, тогда и они тебя не подведут». Да ты сама скоро всему научишься. Вон, уже ловко управляешься!

Рада улыбнулась, чувствуя гордость. Она осторожно провела пальцем по гладкой стенке улья — дерево было тёплым на солнце, пахло лесом и летом.

— Тётя, а правда, что пчёлы приносят удачу дому?

— И правда, и не только удачу, — кивнула тётя Маруся. — В старину говорили, что пчелиный рой — к благополучию, а если пчёлы хорошо зимуют — год будет сытым. Да и сами они — символ трудолюбия, порядка. Не зря их в оберегах изображали, в вышивках.

К закату последний улей был приведён в порядок. Тётя закрыла его, поправила соломенную крышу и перекрестилась:

— Ну, отдыхайте пока, труженицы. Скоро весна, пора мёда начнётся. А теперь и нам домой пора, чай с мёдом пить да отдыхать. Ты сегодня молодец, настоящая помощница.

Они сняли сетки и куртки, отряхнули одежду и направились к дому. Рада оглянулась на ряды аккуратных ульев, залитых золотистым светом заката, и почувствовала, как в груди разливается тепло — не только от работы, но и от ощущения причастности к чему-то древнему, мудрому, семейному.

— М-м-м-м, гляди-ка, — тётя Маруся окинула сад, — закат багровеет. Значит завтра будет ветрено, — тётя Маруся разглядывала яблони, залитые солнечным румянцем. — Хорошо, что сегодня с пчелами успели разобраться. В ветренную погоду из тревожить нельзя.

— Тётя Маруся! — мужской басистый голос заставил Раду дёрнуться и резко обернуться. — Я вам тушку гуся принёс, как вы и просили!

По узкой тропинке шёл молодой казак в кубанке и в шароварах, за поясом виднелась небольшая сумка с инструментами. На нём был тёмный бешмет с серебряными пуговицами, а сапоги блестели от недавней чистки. Его уверенная походка и прямой взгляд сразу выдавали в нём человека, привыкшего к труду и дисциплине. Казачество в станице уважали, и Денис был из тех, кто поддерживал традиции и пользовался заслуженным авторитетом среди соседей.

— Денис, ой, спасибо тебе! — тётя Маруся подошла к казаку и приняла угощение. — Проходи, чаю выпьем. Ко мне Рада приехала. Помнишь её?

— Конечно помню! Как можно забыть-то! — казак ровным станом и строгой походкой прошёл вглубь двора, слегка склонив голову в знак приветствия. — Рада, ты совсем взрослой стала. Помню, как ты ещё по двору бегала, за курами гонялась. А теперь вон какая — красивая, серьёзная. Это сколько тебе уже лет?

Рада слегка покраснела и улыбнулась:

— Двадцать шесть было прошлым летом, — улыбнувшись ответила Рада. — Много воды утекло с тех пор. Спасибо, что помнишь.

— Верно, заметила — время летит. Но вижу, вы тоже не теряли его даром — вон как ловко с ульями управляетесь.

— Смотрю, у вас тут жизнь кипит: двор почти готов к Пасхе. Уже и ульи в порядок привели!

— Это да, спасибо Раде — помогает весь день. — тётя Маруся развела руками, демонстрируя всё, что сегодня удалось успеть. — Пойдёмте в дом, я как раз пироги с яблоками собралась ставить. Поедим, чаю попьем. Заодно расскажешь, как дела у тебя, что в станице нового. Рада — накрывай на стол.

Рада поспешила в дом, чувствуя, как любопытство берёт верх. Она украдкой поглядывала на гостя: Денис выглядел по-настоящему казаком — не по одежде даже, а по осанке, манере говорить, взгляду. В нём чувствовалась какая-то внутренняя опора, будто он знал, зачем живёт и что делает.

Как и было положено, дорогого гостя посадили за стол в красном углу дома — напротив русской печи, под иконами, прикрытыми вышитым рушником. Это место считалось самым почётным в доме. Пока тётя лепила пироги, а Рада запаривала травяной чай, Денис рассказывал:

— У нас на пасеке тоже пчёлы хорошо зимуют. Думаю, в этом году мёда больше соберём. А ещё дед свой старый улей отдал — говорит, пусть молодые учатся. Я его как раз сегодня починил, теперь готов к весне. Кстати, у вас тут ульи неплохо выглядят — видно, что за ними ухаживают с душой. Вы, тётя Маруся, в этом деле настоящий профи.

— Ох, спасибо на добром слове, — улыбнулась тётя. — Рада как раз сегодня ульи убирала, вникала в дело.

За окном догорал закат, а в доме становилось всё теплее — от печи, от свежего пирога, от дружеской беседы и ощущения, что рядом есть люди, на которых можно положиться.

Рада улыбнулась и протянула ему чашку чая:

— Как твои родители поживают?

Денис повернулся к Раде и ответил уже ей — спокойно, без лишней фамильярности, но с открытой доброжелательностью:

— Спасибо! Всё хорошо! К Радонице готовятся. Сегодня на кладбище были — прибрались. А мы с бойцами ворота и обвалование подкрашивали. Хотим, чтобы к празднику всё выглядело достойно — это же наша память, уважение к тем, кто был до нас.

— Нам тоже на кладбище нужно сходить, — тётя поставила на стол варенье и мёд. — Но там без мужских рук никак: ветки убрать, ограду поправить...

— Так чего ж молчали?! Соседи же — в одной станице живём! Мы уже свои порядки навели. Я с радостью помогу вам — завтра или в любой другой день, как скажете. Только дайте знать.

— Ох, Денис, спасибо тебе! — тётя Маруся благодарно кивнула. — Ты настоящий казак: слово — дело.

— Да что вы, тётя Маруся, — слегка смутился Денис. — Это же обычное дело. В станице так всегда было: друг другу помогаем, поддерживаем. Иначе и не выжить, и не сохранить то, что деды завещали.

За дружеской беседой и вкусной выпечкой Рада не заметила, как на двор опустилась ночь. В окне мелькнули первые звёзды, а в печи всё ещё потрескивали угли.

— Спасибо за угощение, но пора и честь знать! — Денис встал из-за стола, слегка поклонился тёте Марусе. — Рада, — казак взглянул на девушку добрыми, неподдельно ласковыми глазами, — был рад тебя увидеть! Давно так душевно не беседовал.

— И я была рада пообщаться, — улыбнулась Рада. — Пойдём, я проведу тебя. До калитки хотя бы.

— Не стоит, не надо, — вежливо отказался Денис. — Я сам дойду, тут два шага. Да и не по-казачьи это — девушку на ночь глядя из дома уводить.

— Тогда до следующего раза, — кивнула Рада.

— Обязательно! — Денис приподнял кубанку в знак прощания. — Тётя Маруся, всего доброго! Рада, береги себя. И если что — обращайтесь, всегда помогу.

— Храни тебя Господь, сынок, — перекрестила его тётя.

Денис вышел во двор. В тишине отчётливо зазвучали его шаги по сухой земле, а потом — протяжный скрип калитки. Рада постояла у окна, глядя, как его фигура растворяется в вечерней синеве, тает среди сумеречных теней, словно мираж.

Она поймала себя на мысли, что даже не запомнила цвет его волос. «Тёмные? Русые? Может, с рыжеватым отливом на закате?..» — безуспешно пыталась она воскресить в памяти детали.

«И глаза... Какого цвета его глаза?» — Рада замерла, напряжённо вглядываясь в собственное отражение в стекле, будто оно могло подсказать ответ. Перед внутренним взором мелькали обрывки воспоминаний: улыбка, жест, поворот головы — но черты лица расплывались, ускользали.

«Как можно было столько общаться с человеком, столько раз смотреть ему в лицо — и не запомнить цвета его глаз?!» — корила она себя. В груди неприятно защемило: словно она упустила что-то важное, что-то, что могло бы связать эти разрозненные фрагменты в единый, живой образ.

Тётя подошла сзади, положила руку на плечо:

— Видишь, Радочка? Вот он — настоящий казак. Не словами, а делами. С таким рядом — и в горе, и в радости спокойно.

Рада молча кивнула, чувствуя, как в душе теплеет ещё сильнее — уже не от пирога и чая, а от чего-то большего: от веры в людей, в традиции, в то, что всё будет хорошо.

Рада спокойно наблюдала, как плясали тени деревьев, по ветвям которых разливались лунные блики. Воздух был густым и тягучим, словно застывший мёд, а тишина — такой плотной, что казалось, её можно разрезать ножом. Где-то вдалеке заухала сова, и этот звук, вместо того чтобы нарушить безмолвие, лишь подчеркнул его зловещую глубину.

В одно мгновение её зрение сфокусировалось на силуэте между деревьями. Сердце пропустило удар. Буквально в двух метрах от окна стоял высокий и худой мужчина. Его фигура казалась вырезанной из самой ночи — настолько она сливалась с темнотой, выделяясь лишь бледным, мертвенным контуром.

Рада невольно вздрогнула и ахнула, инстинктивно отпрянув от стекла. Но что-то заставило её снова прильнуть к окну, будто невидимая сила приковала взгляд к этому существу.

Он был невероятно высок — настолько, что макушка почти касалась нижних ветвей старой яблони. Тело худое, словно вырезанное из ветви дерева, с непропорционально длинными конечностями, которые тянулись к соседним деревьям, будто пытались вцепиться в кору. Пальцы, длинные и искривлённые, напоминали сучья.

Взгляд существа — пронзительный и холодный — был устремлён прямо на Раду. В его глазах не было зрачков: только тусклое серебристое свечение, напоминающее отблеск луны на поверхности стоячего болота. Кожа казалась бледной, почти прозрачной, сквозь неё проступали тёмные линии вен, похожие на трещины на высохшей земле.

Существо медленно повернуло голову. Раздался сухой треск, будто сломалась ветка, — но это был звук его шеи, поворачивающейся под неестественным углом. Оно сделало шаг вперёд, и земля под его ногами не шелохнулась: ни хрустнула ветка, ни шелохнулся сухой лист.

Рада почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. Дыхание участилось, в висках застучала кровь. Она попыталась отвести взгляд, но не могла — глаза существа будто пригвоздили её к месту. В груди нарастала паника, а в горле пересохло так, что она не смогла бы закричать, даже если бы захотела.

Внезапно он поднял руку. Длинные пальцы коснулись стекла с тихим, царапающим звуком. Этот звук пронзил тишину, как остриё ножа. В тот же миг в доме что-то изменилось: воздух стал тяжелее, запах дровяного дыма из печи смешался с терпким ароматом болотной

тины и прелой листвы. Из углов комнаты поползла тёмная влага, оставляя на стенах липкие следы, похожие на слизь и плесень.

За окном существо слегка наклонило голову, и Рада уловила слабый шёпот — не слова, а скорее эхо чьих-то давних криков, стонов, шорох листьев под ногами заблудившихся путников. Казалось, этот шёпот исходит не от него, а от самой ночи, от деревьев, от земли под ногами. В шёпоте начали проступать обрывки фраз: «Открой...пусти...я пришел к тебе...».

Оно снова коснулось стекла, на этот раз сильнее. На поверхности остались едва заметные следы, похожие на морозные узоры, но они не замерзали — они ползли, медленно расползаясь по стеклу, словно живые. Узоры начали складываться в странные символы, от одного взгляда на которые у Рады заныли зубы, а в затылке появилась пульсирующая боль.

Стекло запотело в тех местах, где касались пальцы существа, но вместо конденсата проступила тёмная, вязкая жидкость, стекающая вниз тонкими струйками. Она пахла гнилью, сероводородом и чем-то ещё — древним, потусторонним, от чего желудок Рады скрутило спазмом.

Рада, наконец, смогла разорвать этот жуткую связь. Она отпрянула от окна, зажав рот рукой, чтобы не закричать. Дрожащими пальцами она схватила занавеску и резко задёрнула её, отгородившись от ночного гостя.

Прижавшись спиной к стене, она закрыла глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Где-то глубоко внутри она знала: это не случайный прохожий.

За занавеской, за стеклом, всё ещё чувствовалось его присутствие — тяжёлое, давящее, древнее. И Рада поняла: он видел её. И, возможно, теперь не уйдёт просто так.

Из-за занавески донёсся новый звук — противный медленный скрежет, будто кто-то царапал стекло чем-то шершавым, пробуя его на прочность. Затем раздался тихий, хриплый смех — не человеческий, а словно эхо из прогнившего колодца.

Рада застыла, не в силах пошевелиться. Она вдруг отчётливо осознала: существо знает, что она здесь. Оно чувствует её страх — и питается им. И чем сильнее она боится, тем ближе оно подбирается.

В печи, где ещё недавно трещали дрова, внезапно наступила мёртвая тишина. Пламя погасло, оставив после себя лишь холодный пепел. Дом, который всегда был убежищем для неё и тёти, теперь казался ловушкой — запертой клеткой, из которой нет выхода.

Шёпот за окном стал громче, обрёл ритм, похожий на биение сердца. Он проникал в сознание, нашептывал: «Ты не спрячешься...ты уже моя...»

Рада сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла ей очнуться. Она заставила себя сделать шаг — другой — к двери, ведущей в комнату тёти.

— ...Рада! Чего молчишь-то?! — тётка вышла из своей комнаты, держа в руках старый фотоальбом, в котором ещё хранились настоящие напечатанные фотографии. Её голос, тёплый и чуть хриловатый, разорвал тягостное молчание, вернув Радку из мрачных мыслей в реальность.

— Тётя... — голос Рады дрожал, как осенний лист на ветру, — там в саду кто-то есть.

— О чем ты, детка? — тётка мигом подошла к окну и раздвинула занавески.

— Не смотри! — Рада попыталась оттянуть тётю, но та стояла словно вкопанная.

— Рада, дорогая, во дворе ничего такого нет. Тебе видимо померещилось.

— Нет. Я его видела. Слышала скрежет по окну.

— Кого ты видела?

— Он стоял между деревьями, был худым и высоким, а вместо рук — сухие ветви деревьев. Он царапал окно...

— Рада, милая, — тётка явно занервничала, — ты уверена, что тебе не приснилось?

— Уверена. Я провела взглядом Дениса, потом посмотрела на сад и увидела его лицо...

— Ну, по твоим описаниям это был Жердьяй.

— Кто? — Рада уставилась на тётку с легкой ноткой недоверия.

— Жердьяй — одинокое, неприкаянное существо, снедаемое тоской по теплоте человеческого существованию и домашнему очагу. — пояснила Маруся. — Милая, может тебе там в городе одиноко и тоскливо? Раз он к тебе здесь пришел? Если ты чувствуешь себя одиноко и несчастно — возвращайся ко мне. Будем жить с тобой мирно и ладно!

— Тётя... ну у меня же там работа. — Рада постаралась не обидеть тётку.

— Рада, запомни — в этом доме тебе бояться нечего! Как бабушка завещала — я дом и род наш охраняю! Вот тут на подоконнике есть Четверговая соль — еще с прошлой Страстной неделе осталась.

Тётя протянула Раде горшочек с солью. И продолжила пояснять:

— Четверговая соль защищает дом от нечисти. Я наполню ею ладанку для тебя — носи на груди под рубашкой. И тебе спокойней будем, и мне.

Рада взяла в руки горшочек и понюхала соль ради интереса. Раньше она не сильно верила во все эти обереги и защиты, но она с детства помнила, что и бабушка, и тётка свято чтит все обряды, придания и верования.

— Смотри-ка что я нашла! — тётя Маруся протянула Раде несколько старых фото. — Вы с Денисом раньше на всех станичных гуляньях вместе бегали! Вот, смотри — это вы около чучела на Масленицу. Погоди-ка... Какой же это год был? Дай-ка вспомнить... Тебе тут лет восемь, не больше. Видишь, ты в той самой вязаной шали, что бабушка тебе связала? А Денис — вон, в кепке, которую вечно набекрень носил!

Тётка тихонько рассмеялась, и в этом смехе прозвучали ностальгия и тепло давних воспоминаний. Она ткнула пальцем в снимок:

— Ишь, какие счастливые! Вы тогда чуть ли не каждый день вместе по дворам носились. Эх, времена были...

Рада взяла фотографию дрожащими пальцами, невольно улыбнулась, разглядывая детские, беззаботные лица — своё и Дениса. На мгновение тревога отступила, вытесненная волной воспоминаний о тех простых, солнечных днях, когда мир казался добрым и понятным. В груди разливалась тихая радость, а страх, ещё недавно сковывавший тело, начал отступать, словно отпрянул от тепла этих воспоминаний.

— Ты чего бледная-то такая? — тётя Маруся встревоженно уставилась на Радку, склонив голову набок. — Будто привидение увидела.

Рада вздрогнула, пальцы невольно сжались вокруг фотографии. Она бросила быстрый взгляд в сторону окна — там больше не было слышно шёпота, не чувствовалось давящего присутствия. Только ветер шелестел сухими листьями за стеной.

— Устала с непривычки, — тихо ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пойду умоюсь и лягу спать. Спасибо за ужин.

Тётя нахмурилась, внимательно вглядываясь в лицо племянницы. Несколько долгих секунд она молчала, будто решала, стоит ли давить с расспросами. Затем вздохнула и мягко положила руку на плечо Рады:

— Ну иди, милая. А утром расскажешь, что тебя тревожит. Я же вижу — что-то случилось.

Рада кивнула, сглотнув комок в горле. Она ещё раз посмотрела на фотографию, спрятав её в карман кофты и направилась к двери. Шаг за шагом страх отступал, а на его место приходило ощущение защищённости — рядом была тётя, дом снова становился домом, а не ловушкой.

Уже в коридоре она обернулась и тихо добавила:

— Спокойной ночи, тётя Маруся.

— И тебе, родная, — донеслось в ответ. — Всё наладится. У нас всегда всё налаживается.

Войдя в свою комнату, Рада закрыла белую деревянную дверь, прислонилась к ней спиной и глубоко вздохнула. За окном по-прежнему царила тишина, а печка мирно потрескивала дровами, разливая по всему дому тепло и уют. Дом снова дышал покоем, и сейчас она позволила себе поверить, что опасность миновала.

Глава 3. Тайны трёх миров

Рада стояла по колено в болоте. Её бежевая сорочка промокла насквозь, облепила тело, словно липкая паутина, и теперь казалась второй кожей — холодной, скользкой, чужой. Босыми ногами она ощущала вязкое дно: оно пульсировало под ступнями, будто дышало, а слизь, обволакивающая икры и голени, шевелилась — не просто скользила, а пробиралась под ткань, поднимаясь всё выше.

Она огляделась по сторонам — болото простиралось во все стороны, насколько хватало взгляда: бурое, вспученное, будто дышащее подземными силами. Кочки, покрытые чёрно-зелёным мхом, торчали из воды, как спины спящих чудовищ. Между ними змеились узкие протоки с маслянистой, тягучей жижей — в ней не отражалось небо, лишь плавали клочья ряски и гниющие листья.

Вдоль берега тянулись ивы — не стройные и плакучие, а скрюченные, с узловатыми ветвями, похожими на скрюченные пальцы. Воздух вокруг был густ и ядовит. Он давил на грудь, проникал в лёгкие, наполняя их смрадом разложения: тиной, сырой землёй и протухшими куриными яйцами.

С каждой секундой её ноги всё сильнее проваливались в слизь, затягивались в глубину. Рада попыталась сделать шаг — но вместо опоры почувствовала, как что-то схватило её за лодыжки. Не корни, не тина — нечто живое, упругое. Оно тянуло вниз, мягко, но неумолимо, будто уговаривая: «Останься. Здесь твоё место».

Рада слышала, как вдоль берега трещат ветви сухих деревьев — но звук был неправильным. Слишком ритмичным. Будто кто-то специально ломал их, отсчитывая шаги. Она обернулась, и в тот же миг серые тучи закрыли луну, лишая её единственного источника света. Тьма упала мгновенно, как крышка гроба.

В крошечной темноте она почувствовала, что не одна. Что-то стояло под ивами в самом начале болота — голый обрюзглый старик с большой окладистой бородой и зелёными усами. Он не двигался, но Рада знала: он смотрит. И это не был взгляд хищника, охотящегося за добычей. Это был взгляд хозяина, узнающего свою собственность.

Мрак проникал в неё сквозь кожу — с каждым глотком отравленного воздуха из неё уходило последнее желание вернуться на берег. Вместо него нарастало другое чувство: странное, пугающе правильное ощущение, что болото — это не ловушка, а возвращение. Что она всегда принадлежала этому месту, просто забыла об этом.

Из болотной глубины доносилось бульканье и хлюпанье, которые постепенно сменялись хриплым шепотом. Сотни голосов, шепчущих в унисон на языке, которого она не знала, но понимала без слов:

«Ты пришла. Мы ждали. Ты — наша. Ты — часть ила, часть тины, часть того, что спит живет под водой».

Пальцы на ногах онемели. Вязкая субстанция уже добралась до бёдер, обволакивая их, как заботливая мать. Рада подняла руку, чтобы оттолкнуться, но вместо этого погладила поверхность воды. В голове зазвучала мелодия — старая, забытая, из детства. Та самая, что пела бабушка перед сном. Только теперь слова изменились:

«Спи, дитя, в глубине,
Где не светит луна во мгле.
Болото примет, болото спасёт,
От мира лживого тебя уведёт...»

Она сделала глубокий вдох, готовясь погрузиться с головой, и в этот миг где-то далеко, за пределами болота, раздался крик — человеческий, живой, знакомый. Он разорвал гипнотическую пелену, заставил сердце сжаться от боли и тоски.

Рада дёрнулась, пытаясь вырваться из хватки болота. Но глубинные корни лишь сильнее обвило её, нашептывая: «Не уходи. Зачем тебе они? Здесь — покой. Здесь — дом».

Она закрыла глаза, сжала кулаки и закричала — не от страха, а от ярости. От ярости, которая оказалась сильнее древнего зова.

Крик Рады отозвался воем на весь дом тёти Маруси — протяжным, звериным, будто вырвавшимся не из человеческого горла, а из глубин древнего леса. Тётя Маруся, разбуженная этим звуком, подскочила с постели и в несколько шагов оказалась рядом — босиком, в длинной ночной рубашке, с растрёпанными пепельными волосами, падающими на лицо.

— Рада! Рада! Очнись! Девочка моя! — тётя трясла девушку за плечи, её голос дрожал от страха. — Проснись, милая, это всего лишь сон!

Рада подорвалась с подушки, судорожно глотая воздух, словно чистую воду после длительного изнеможения. Грудь ходила ходуном, сердце колотилось где-то в горле, а по спине струился холодный пот. Она хватала ртом воздух, будто только что вынырнула из глубины болота, в котором только что тонула.

— Что случилось?! — тётя Маруся встревоженно смотрела на племянницу, убирая со лба намокшие рыжие пряди. Её пальцы слегка дрожали. — Ты кричала так, будто сама смерть за тобой пришла...

Рада сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони — боль помогала вернуться в реальность. Перед глазами ещё стояли образы: вязкая слизь, затягивающая ноги, шёпот из воды, ощущение, что болото зовет её обратно. Она проморгалась, сглотнула и, помолчав несколько секунд, собрала духом:

— Кошмар приснился, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто кошмар...

Тётя Маруся нахмурилась, не сводя с неё внимательного взгляда. Она знала свою племянницу — Рада не из тех, кто кричит во сне без причины.

— Расскажи, — мягко, но настойчиво попросила она, садясь рядом и беря Рад за руку. — Что ты видела?

Рада заколебалась. Слова застряли в горле: как объяснить, что болото не просто снилось, а звало её? Что шёпот, который она слышала, до сих пор эхом отдаётся в голове?

— Я... стояла в болоте, — наконец прошептала она, глядя в сторону, будто боясь, что произнесённое вслух, снова окажется там. — Оно затягивало меня. И кто-то... или что-то... шептало, что там моё место. Еще эта песенка... А сзади пузатый старик, отекший и морщинистый с длинными зелеными усами...

Тётя Маруся на мгновение замерла, а затем крепко обняла девушку, прижав к себе. Она знала водяной заманивал людей в болото, чтобы утопить. «Но почему на Рад обрушилось столько духов? — размышляла тётя Маруся, — Они никогда не нападали на обычного человека все сразу...».

— Всё позади, — тихо сказала она. — Ты здесь, со мной. В безопасности. Это просто сон.

Рада кивнула, уткнувшись лицом в плечо тёти. Постепенно дыхание выровнялось, дрожь утихла. Но где-то глубоко внутри, под слоем успокоения, всё ещё шевелилось тревожное ощущение: оно знает, где меня найти.

Успокоив племянницу, тётя Маруся снова легла спать. А вот Рада осталась наедине со своими мыслями.

До рассвета было ещё несколько часов, но спать желания у неё не было. Она всё ещё дрожала — не от утренней прохлады, а от липкого ужаса, оставшегося после кошмара. Вот уже вторую ночь она не могла выспаться из-за этих снов, и каждый раз они становились всё реальнее.

В памяти до сих пор стояло то ощущение: как вязкая тина обволакивает ноги, как что-то схватило её под водой за лодыжки и тянет вниз, в глубину, откуда доносится шёпот — не слова, а будто сама трясина дышит ей в затылок: «Останься... ты наша...»

Рада тряхнула головой, пытаясь отогнать видение. Но стоило закрыть глаза, как она снова увидела тёмные пузыри, поднимающиеся со дна, и черные маслянистые потоки на поверхности воды.

Она решила принять душ и освежиться. К тому же уличный душ у тётки действительно помогал прийти в себя — по крайней мере, раньше.

Рада вышла из дома и вдохнула утреннюю прохладу полной грудью. Двор был тих и неподвижен в предраассветных сумерках. Она огляделась по сторонам: ничего необычного, всё, как всегда.

Напротив крыльца раскинулся яблоневоый сад с пчелиными ульями. Деревья стояли неподвижно, а их нижние ветви утопали в молочном тумане. Справа, чуть поодаль от тропинки, примостилась дровяная баня — крепкая, основательная, с покатою крышей, поросшей мхом. Дверной косяк потемнел от времени, но пахло от бани хорошо: сухим деревом, берёзовыми вениками, дымом. Рядом высились аккуратно сложенные поленицы — берёза и сосна, дрова уже подсохшие, готовые к топке.

Рада ступала в глубь двора — тропинка сужалась, уходя в самый дальний угол, где всё выглядело иначе — запущеннее, забытее. Земля здесь была мягче, местами заболочена: после дождей тут долго стояли лужи. По краям росли высокие репейники и чертополох, а между ними пробивались пучки осоки — острой, шуршащей на ветру.

Именно здесь, на краю двора, словно забытый всеми призрак, стояло старое сооружение — кабинка с уличным душем. Деревянные ступени к нему, когда-то ровные и крепкие, теперь прогнили в нескольких местах — сквозь дыры виднелась земля, поросшая мхом и плесенью. Хлипкая дверь едва держалась на ржавых петлях. Она закрывалась на старый крючок — такой ржавый, что казалось, вот-вот рассыплется в прах от одного прикосновения.

Рада невольно замялась перед входом. Воздух здесь был гуще, чем в остальной части двора — влажный, насыщенный запахами прели, мха и травяного компоста. Ей показалось, что сама земля под ногами чуть пульсирует, словно дышит.

Она сделала шаг внутрь, и доски закрипели, будто предупреждали: «Осторожно, я вот-вот рухну». «Это просто душ, — твёрдо сказала она себе. — Просто вода. Ничего больше». Девушка вошла внутрь и закрыла дверь. Крючок щёлкнул — звук получился слишком громким в утренней тишине.

Она подняла голову к крану и немного приоткрыла его. Когда первая капля упала ей на плечо, Рада поневоле вздрогнула — холодная, слишком холодная для весенней воды. Ещё одна — на шею, будто чьё-то прикосновение. И ещё — на руку, оставляя на коже след, похожий на ледяной ожог.

Рада резко повернула вентиль на полную. Вода хлынула потоком — мутная, с лёгким болотным запахом. В ней плавали тонкие нити, напоминающие водоросли. На мгновение ей показалось, что из бочки донёлся тихий, булькающий смех. Она отпрянула, едва не поскользнувшись на мокрых досках. Сердце колотилось где-то в горле. «Это не просто сон. Оно идёт за мной» — пронеслось у нее в голове.

За спиной скрипнула дверь — сама собой, хотя крючок оставался на месте. Девушке ничего не оставалось, как броситься в наружу. Утренний воздух показался ей таким же тяжёлым и душным, как в том болоте. И где-то глубоко внутри, под слоем страха, всё ещё звучал шёпот: «Ты не спрячешься...».

Рада успокоилась лишь после второй кружки кофе. Тёплый, чуть горьковатый напиток обжигал горло и постепенно возвращал ощущение реальности — будто натянул тонкую нить между ней и миром, который ещё вчера казался таким привычным.

Тишина дома теперь не давила, как ночью, но и не приносила покоя. Где-то за стеной мерно тикали старинные часы — их ритм напоминал биение сердца, но слишком ровное, слишком механическое.

Она выглянула в окно — весь двор залился мерным молочно-розовым туманом, что было вовсе не характерно для центра станицы. Сколько себя помнила Рада, туманы покрывали лишь степные окраины станицы, но никогда не опускались на жилые кварталы.

«Странно как...» — пронеслось в голове девушки. В этот момент её взгляд остановился на двух царапинах на стекле... именно там, где вчерашним вечером ей примерещился Жердьяй.

Царапины выглядели зловеще — глубокие, неровные, будто оставленные чем-то острым и нечеловеческим. Они шли параллельно друг другу, изгибаясь в странной, почти осмысленной линии. И самое пугающее — на стекле вокруг них проступил тонкий слой инея, хотя на улице было совсем не холодно.

Она тут же отставила кофе и выскочила на улицу и подбежала к окну — ничего. Ни царапин, ни инея. Гладкое, чистое стекло отражало её перепуганное лицо и клубящийся позади туман. Рада помотала головой, стараясь выбить эти видения из памяти, и медленно вернулась в дом.

Хоть она и обещала себе двухнедельный детокс от бесконечного потока новостей и информации, сейчас она отчаянно нуждалась в общении с подругами. Ей хотелось услышать их голоса — живые, бодрые, наполненные обычными заботами: планами на выходные, обсуждениями сериалов, смешными историями с работы. Просто знать, что где-то есть мир, в котором нет болот, шёпотов и глаз, следящих из-под тины.

Рада достала телефон, разблокировала экран — и замерла. Сеть показывала «нет сигнала», хотя вчера вечером всё работало идеально. Рада проверила настройки, перезагрузила устройство — безрезультатно.

«Глупости, — мысленно одёрнула она себя. — Просто сбой. В такой глуши и не такое бывает».

Но тревога снова зашевелилась внутри, как что-то живое. Она подошла к окну. За стеклом простирался двор — знакомый до последней травинки: старая яблоня с искривлённым стволом, поленница, аккуратно сложенная тётей Марусей, тропинка к уличному душу, которую она так и не решилась снова пройти.

Рада набрала номер Лены — гудки не пошли. Марина — то же самое. Оля — автоответчик сообщил: «Абонент недоступен».

Она отошла от окна и невольно бросила взгляд на стену напротив. Там, над печкой, среди букетов с сушёными травами — полынью, зверобоем и тысячелистником, — висел знакомый с детства оберег.

Восьмилучевая звезда с лучами, загнутыми под прямым углом. Направление лучей — по ходу Солнца, посолонь, словно вечно вращающееся колесо небесного огня. Оберег был выполнен из сандала, поэтому даже спустя несколько десятилетий на нём были отчётливо видны линии текстуры древесины, небольшие неровности и следы резца — будто мастер специально оставил их, чтобы подчеркнуть рукотворность, связь с человеческой рукой и древней традицией.

Рада подошла ближе, почти коснувшись оберега кончиками пальцев. Бабушка говорила, что этот символ — Громовик, дар Перуна, — защищает от злых духов, порчи и проклятий. Он отпугивает Навий, не даёт тёмным силам проникнуть в дом, хранит сон младенцев и разум стариков.

«Он всегда тут висел, — подумала Рада. — Сколько себя помню, он был здесь. Но почему я заметила его только сейчас?»

Она провела пальцем по тёплому дереву, ощущая каждый изгиб символа. В памяти всплыли бабушкины слова, сказанные шёпотом у печи зимними вечерами: «Этот знак — как молния, дитя. Он не просто отгоняет зло — он его поражает. Если почувствуешь, что за тобой следят, или услышишь шёпот в темноте, найди Громовик и коснись его. Он вернёт тебя в Явь, к свету, к дому».

Удивительно, что именно в этот визит к тётке Рада увидела и вспомнила о нём. Будто сам оберег решил напомнить о себе — именно тогда, когда ночные кошмары стали слишком реальными, когда шёпот из сна начал просачиваться в явь.

Рада невольно оглянулась на дверь, ведущую к уличному душу. В голове снова всплыли образы болота: тина, затягивающая ноги, пузыри на поверхности воды, зелёные отблески, похожие на чьи-то глаза...

Она снова посмотрела на Громовик. Лучи символа, казалось, чуть заметно мерцали в полутьме комнаты — или это игра теней от колышущихся пучков трав? Рада протянула руку к оберегу и провела по нему пальцами. В этот миг ничего не произошло, хотя Рада, по большому счёту, и ничего не ждала. Глупо было ожидать чего-то сверхъестественного.

Дерево под пальцами было тёплым — неестественно тёплым, будто его только что держали у огня. Она замерла, прислушиваясь к ощущениям. Не к температуре, а к чему-то ещё: едва уловимому покалыванию, пробежавшему от кончиков пальцев вверх по руке. Словно оберег откликнулся на прикосновение — коротко, почти незаметно, но достаточно, чтобы сердце пропустило удар.

Рада отдернула руку, нахмурилась. «Просто нервы, — подумала она. — Слишком много кошмаров, слишком много тревог».

Она отошла на шаг и снова взглядела в символ. Вокруг Громовика в воздухе дрожало едва заметное сияние — словно тончайшая дымка, переливающаяся голубоватым светом. Оно не освещало комнату, но создавало странное ощущение границы: будто оберег очертил вокруг себя невидимый щит.

В этот момент телефон Рады издал знакомый звук уведомления, резко вырвав её из тревожных мыслей. На экране высветилось сообщение от Лены:

«Рада! Куда пропала? Не могу тебе дозвониться. Как доехала? Как тётя Маруся? Переzvони как сможешь!»

Впервые за долгое время Рада почувствовала такое облегчение от возможности связаться с внешним миром. Её пальцы дрогнули, когда она открыла мессенджер и начала набирать ответ: «Всё хорошо. Проблемы со связью. Доехала без проблем...»

Её взгляд застыл на экране, пальцы замерли над клавиатурой. Как рассказать подруге о ссоре с Олегом? Как объяснить то чувство опустошения, которое поселилось внутри?

В памяти всплыли слова Лены, которую она часто слышала, когда речь заходила о её парнях: «Мне это уже понятно и неинтересно! Ведите следующего!» Подруга никогда не скрывала своего мнения по поводу неудачных отношений Рады, считая, что та слишком много эмоций вкладывает в эти связи.

И вот теперь, глядя на недописанное сообщение, Рада осознала, что предупреждения Лены снова оказались пророческими. Её сердце сжалось от горького понимания: она снова позволила себе поверить в то, чего не существовало.

Борьба с самой собой разрывала её на части: с одной стороны — желание поделиться болью, с другой — страх показаться слабой и снова услышать от подруги те же упрёки.

Телефон в её руках казался одновременно и спасением, и источником новых тревог. Связь с внешним миром давала надежду, но вместе с тем напоминала о проблемах, которые ждали её возвращения в город.

Скрывать ссору от Лены не имело смысла. Ведь рано или поздно она и сама догадается. Они были самыми близкими подругами, делились всем, и эта недосказанность лишь тяготила бы Раду.

Пальцы дрожали, когда она набирала сообщение. Экран телефона казался слишком ярким в полумраке комнаты. Рада глубоко вздохнула и начала писать, стараясь уместить в нескольких предложениях всю горечь последних дней.

В конце сообщения она добавила пару грустных смайликов. Сообщение повисло в чате, ожидая ответа, ведь сейчас было начало седьмого — суббота, а значит Лена будет спать еще часа три, не меньше.

— Рада, ты больше не ложишься? — тётя Маруся вышла из своей спальни, заплетая волосы в толстую косу. Её лицо выражало глубокую тревогу, а голубые глаза смотрели на Раду с тревогой.

— Нет. Я бы уже не уснула. — Рада говорила тихо, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Рада, милая, меня очень беспокоят твои сны. — Тётя подошла ближе, её голос стал мягче, но в нём слышалась сталь. — Тебя беспокоили кошмары в городе?

— Нет, только здесь. — Девушка опустила глаза, не в силах выдержать пристальный взгляд тётки.

— Рада, покажи мне, пожалуйста, своё родимое пятно. Оно не изменилось?

— Нет. Такой же ровный кружочек размером с пятирублёвую монету. — С дрожью в голосе Рада приподняла сорочку, обнажая ногу.

Тётя Маруся внимательно осмотрела пятно, её лицо стало ещё более сосредоточенным. В её голове складывалась страшная картина: родимое пятно в форме круга, рыжие волосы, рождение в ночь на Ивана Купала, мучительные кошмары в период внешних праздников...

— Рада, давай присядем. — Тётя жестом указала на лавку. — Я должна тебе кое-что рассказать.

В её глазах читалась решимость, смешанная с болью. Она начала медленно, подбирая каждое слово:

— Древние славяне верили в триаду миров: Правь, Явь и Навь. Правь — божественный мир, обитель светлых богов. Явь — земной, материальный мир людей. Навь — потусторонний мир духов, куда уходят души умерших.

Тётя сделала паузу, давая Раде время осмыслить сказанное.

— То, что ты видишь во снах и на яву, это духи, живущие в Нави. В особые дни, когда граница между мирами становится тоньше, духи и сущности из Нави могут пробираться в Явь.

— То есть, Домовой, Жердяй и Водяной — это духи из Нави, которые зачем-то пробрались к нам?

— Почти. Навь наполнена различными существами: души умерших (Навы, предки), тёмные духи и сущности (упыри и бесы), духи природы, божества, проводники между мирами.

Рада слушала, затаив дыхание, чувствуя, как холод пробирается до костей.

— Ты, Рада, родилась в ночь на Ивана Купала. У тебя прекрасные рыжие волосы и это родимое пятно... — Тётя Маруся бросила взгляд на щиколотку Рады. — ...сейчас идут внешние праздники. В этот период Навьи приходят в мир живых вместе с пробуждением природы, — тётя замолчала, изучая реакцию племянницы.

Рада покачала головой:

— Это звучит как сюжет для фильма ужасов. Может, я просто плохо сплю? Или это из-за стресса от ссоры с Олегом?

Тётя Маруся мягко взяла её за руку:

— Рада, я понимаю твоё недоверие. Но поверь мне — то, что ты видишь, реально. Но Навьи так просто не нападают на обычных людей... Сейчас мы должны защитить тебя.

— Как? — в голосе Рады звучала отчаянная надежда. — Что мне делать?

Тётя Маруся наклонилась ближе:

— Есть способы. Древние обереги, специальные ритуалы... Но сначала ты должна принять реальность такой, какая она есть. Твои сны — это не просто кошмары. Это реальные нападения сущностей Нави на твою душу.

— Но что им нужно?

— Сложно вот так ответить. Нужно разбираться почему ты стала видеть духов и сущностей именно сейчас. Вообще такие массовые нападки могут быть обусловлены нарушением сезонных обрядов, особенно связанных с почитанием предков. Или же осквернением мест силы или древних захоронений. Но что-то мне подсказывает, что это к тебе не относится. Ты вон — каждый год приезжаешь на великую Пасху и Радоницу. Почитаешь предков наших.

Рада сидела молча, переваривая услышанное. Она с детства была приучена к славянским праздникам, традициям, почитанию рода. Однако Навь и Навьи, нападающие на нее во снах, и не только — вовсе не укладывались в голове.

— Давай для начала позавтракаем. Потом я подготовлю для тебя несколько оберегов. На первое время хватит.

Глава 4. Пробуждение силы

— Тётя Маруся! Рада! — уже знакомый басистый голос, словно раскат далёкого грома, вырвал Раду из сосредоточенного молчания. Она застыла с букетом вербы в руках, аккуратно собранным для кладбища, будто время на мгновение остановилось.

— Денис? — Рада искренне удивилась столь раннему визиту гостя. Её брови слегка приподнялись, а губы дрогнули в немом вопросе. В это утро станица только начинала просыпаться: за окнами ещё царила приглушённая тишина, нарушаемая лишь щебетом ранних птиц.

Казак шагнул в дом, и за ним, будто шлейф невидимой ауры, разлился многослойный аромат мужского парфюма — смесь цитрусовых нот, древесной глубины и едва уловимого табачного оттенка. Такой парфюм в городе-миллионнике встречался редко, а здесь, в станице, он казался вовсе экзотикой.

Рада невольно задержала дыхание, впитывая этот необычный запах, и тут же обратила внимание на детали его облика: русые кудри были бережно уложены, и изредка отливали старым золотом под первыми лучами солнца. Его осанка была непоколебимо ровной — не вымученно-военной, а естественной, как у того, кто с детства знает: земля держит его, а не наоборот.

На нём была замшевая зелёная рубашка, чуть расстёгнутая сверху, мягко подчёркивающая ширину плеч. Классические синие джинсы сидели идеально — не слишком обтягивающие, не слишком свободные. На ногах — ухоженные кожаные ботинки. Замшевая куртка, небрежно наброшенная на плечи, добавляла образу шарма и загадочности.

Но больше всего её поразила его полуулыбка — не широкая, не навязчивая, а такая, будто он знает что-то, что знает только она. В ней таилась искорка озорства, как у мальчишки, пойманного на шалости, но и глубокая, почти тревожная нежность — как будто он видел её насквозь. И, возможно, знал, откуда она пришла.

Его глаза — янтарные, с зелёными крапинками — смотрели прямо, без страха, без вызова. Просто смотрели. И в этом взгляде было что-то древнее, будто он уже встречал её. Давно. В другом времени. В другом мире.

В таком виде он легко мог покорить сердца всех её подруг. «Маринка бы точно запала на него... А Оля бы уже строила планы на совместное утро», — пронеслось в голове у Рады. Она невольно улыбнулась, осознав эту мысль, и покачала головой, будто отгоняя наваждение.

Денис окинул комнату коротким, но внимательным взглядом, будто оценивая обстановку. Его глаза на мгновение задержались на обереге на стене, затем скользнули по вышитой скатерти, по глиняным горшкам на полке — и, наконец, встретились с глазами Рады. Затем его голос прозвучал с привычной уверенностью:

— Так точно! Ну что — готовы идти на кладбище? — его поза и выражение лица говорили о готовности к любому труду.

— Вот уж не думала, что ты так рано встанешь, — произнесла тётя Маруся, с одобрением оглядывая казака. — А одет... как с обложки модного журнала! Словно собрался не на кладбище, а на городской фестиваль.

Денис усмехнулся, и в его глазах мелькнула искорка озорства. Он слегка поклонился, будто принимая комплимент на сцене:

— Стараюсь соответствовать, тётя Маруся. Не могу же я разочаровать вашу племянницу! К тому же, порядок в одежде — это порядок в мыслях. А сегодня нас ждёт серьёзная работа.

Рада невольно улыбнулась и, немного засмущавшись, отвернулась, пряча взгляд за прядями рыжих волос. Её щёки слегка порозовели — то ли от утренней прохлады, то ли от неожиданного комплимента.

Она вдруг почувствовала, что одета не совсем подходяще для предстоящего мероприятия: новые серые вываренные джинсы, идеально подчеркивающие фигуру, белая базовая фут-

болка — новая, еще мягкая, и белая джинсовая куртка — слегка жесткая, но идеально скроенная. Она выглядела так, будто собиралась на прогулку по центру города, на свидание в кофейню, на фотосессию на набережной. Но никак не на кладбище. Но деваться было некуда — она не брала с собой много вещей.

— Рада! — голос тёти Маруси выдернул девушку из размышлений. — Собирай гостинцы для бабушки и дедушки. А ты, Денис, пойдём со мной в сарай. Нужно прихватить кое-какой инструмент.

— Тётя Маруся, неужто вы подумали, что я с пустыми руками пришёл?! — с лёгким смешком ответил Денис. — Я уже всё собрал — инструмент ждёт в машине. Пойдёмте! Раньше начнём — больше сделаем! Его энтузиазм словно наполнил комнату светом, разгоняя остатки утренней дремоты.

Тётя Маруся усмехнулась, покачав головой:

— Ну что с тобой делать... Видно, сегодня работа пойдёт как по маслу!

Работа и правда пошла как по маслу — слишком гладко, как будто сама земля под ногами не сопротивлялась. Денис ловко выкорчевывал заросли сирени, и каждый вырванный куст с глухим хрустом отделялся от корней, будто сопротивлялся. Ветви, ещё прошлым летом густо покрытые бутонами, теперь лежали в беспорядке, а из разрытой земли сочилась тёмная, почти чёрная влага, пахнувшая сыростью и чем-то сладковато-гнилым. Никто не обратил внимания — кроме Рады. Она на мгновение замерла, глядя, как капля этой влаги медленно стекает по лопате. Но тут же отвела взгляд.

Рада зачищала оградку перед покраской, и каждый взмах щётки сопровождался скрежежом, будто металл скрипел не от ржавчины, а от боли. Тётя Маруся убирала надгробие — вытирала пыль, поливала цветы, ставила свечи. В какой-то момент она присела на лавку, сложенную из старых плит, и с тихой грустью в глазах проронила несколько слёз. Слёзы не скатились по щекам — они повисли в воздухе, как капли росы, и исчезли, не коснувшись земли.

Рада, увидев состояние тётки, подошла и приобняла её за плечи.

— Ничего, девочка моя... ничего... — тётя похлопала Радку по руке, но её пальцы были ледяными, несмотря на тёплое утро. — Мы их помним — это главное...

Денис стоял в стороне, прислонившись к деревянному кресту. Он не вмешивался — не стал влезать в семейные дела. Но и не ушёл. Его взгляд скользил по могильным плитам, и в нём мелькнуло что-то странное — не тревога, а скорее... узнавание.

Рада стояла перед могилой дедушки, её пальцы дрожали, когда она касалась старого фото на памятнике. Фотография словно пульсировала под её пальцами, будто живая.

На секунду Рада почувствовала, как легкое покалывание пронзило кончики пальцев. Она тут же отдернула руку, будто коснулась раскалённого металла. Фотография едва заметно потемнела в том месте, где только что были её пальцы.

В голове эхом раздалось слова дедушки, которые он говорил перед каждым её отъездом: «Здесь твой дом! Здесь твоя сила и защита!» В этот момент земля под ногами Рады зашевелилась, словно пробуждаясь от долгого сна.

Резкий порыв ледяного ветра пронёсся над кладбищем, поднимая в воздух остатки прошлогодней листвы, которая закружилась в странном танце. Тучи собрались над головой Рады, образуя зловещий купол.

Тётя Маруся, стоявшая в стороне, с ужасом наблюдала за происходящим. Её оберег на груди начал нагреваться, будто предупреждая об опасности. «Духи пробуждаются... — подумала она, сжимая в руках древний амулет. — Её сила... она древняя и чуждая... Я таких ещё не встречала».

Вороньё, кружившее над кладбищем, с криками разлетелось в разные стороны, оставив небо пустым и зловещим. В воздухе появился запах сырости и гнили, хотя вокруг всё было сухим.

Тётя Маруся перекрестилась, дрожащей рукой. Она знала — то, что пробуждалось в девушке, было древнее христианства, древнее самой памяти рода...

Из вихря ледяного воздуха и странного жжения в руках, девушку резко выдернул пронзительный звонок телефона. Это была её подруга Ленка.

— Ну давай, рассказывай! — в динамике зазвучал настойчивый, чуть взволнованный голос подруги, будто та уже предчувствовала неладное.

Рада отошла в сторону, подальше от тёти, чтобы разговор не стал достоянием чужих ушей. В груди снова зашевелилось горькое разочарование.

— Да что тут рассказывать... — тихо ответила она, глядя на потрескавшуюся землю под ногами. — В очередной раз пропал. Ни ответа, ни привета.

— Снова? — протянула Ленка. — Интересно — на сколько в этот раз?!

— Думаю на долго. — вздохнула Рада.

— С чего такие выводы?

— Я звала его в станицу на выходные. Он находил массу поводов для отказа. После того как я сказала, что поеду сама, он приехал с букетом алых роз и шоколадным суфле, — призналась Рада, и в голосе невольно прозвучала горечь. — И всё это с таким видом, будто совершает подвиг. «Прости, я был занят, но ради тебя нашёл время!» — передразнила она интонацию Олега. — А потом начал рассказывать, как тяжело ему было найти именно эти розы, как он специально ездил в другой район... Будто это должно было меня впечатлить.

— Та-а-ак... — протянула Ленка с явным скепсисом. — Решил надавить на мягкие места. Рада, я же тебе давно говорила: он цепляет тебя на эмоциональные крючочки. Надеюсь, ты его выставила?

— Не совсем... Точнее, он сам ушёл, — медленно произнесла Рада, вспоминая недавние события. — После... после секса и очередной ссоры, в которой я снова оказалась виноватой — просто потому, что решила настоять на своём. Он начал давить: «Ты опять всё портишь! У тебя вечно какие-то претензии! Я стараюсь, а ты не ценишь...». А когда я попыталась объяснить, что меня беспокоит, он просто перевёл всё в шутку: «Ну вот, опять драма! Ты слишком эмоциональна, тебе нужно успокоиться». И предложил перезвонить, когда я «приду в себя».

— Зря ты его сексом порадовала, конечно, — строго заметила Ленка. — Он же этим пользуется! Ты же помнишь прошлый раз, когда он опоздал на свидание на два часа, а потом точно так же — цветы, сладкие слова, постель — и ты всё прощаешь?

— У него каждый раз находится объяснение, каждый раз отмазки, — вздохнула Рада. — Одни и те же аргументы: «Я же стараюсь для нас», «Ты просто не понимаешь, какая у меня нагрузка...». Будто его проблемы — это моя вина.

— Классический манипулятор, — фыркнула Ленка. — Создает проблему, а потом «великодушно» её решает — и ждёт благодарности.

— Знаешь... мне так противно стало, — Рада сжала кулаки. — Противно — и в то же время... пусто. Будто изнутри вырвали кусок меня самой. Но понимаешь, — замялась Рада, — однажды он рассказал, как пожертвовал работой в Питере и остался в Краснодаре ради отношений. А она его предала. Мне кажется, после того случая он ставит карьеру на первое место, и просто обитая довериться девушкам.

На другом конце провода повисла короткая пауза.

— Рада... — голос Ленки вдруг стал мягче, почти ласковым. — Тебе нужно отвлечься и посмотреть на ситуацию с другой стороны. Ты сама находишь ему оправдания!

— Это не так! Я просто стараюсь понять его!

— Знаешь, я не стану переубеждать тебя. Я уверена — придет время, и ты сама решишься во всем., — подытожила Ленка. — Просто я советую тебе встряхнуться и немного развеяться. Когда ты возвращаешься в город?

— Дней через десять. Сразу после Радоницы.

— Отлично! Тогда по приезду махнем в кино и на шопинг! Это поможет тебя взбодрить.

— Звучит заманчиво, — впервые за долгое время Рада улыбнулась по-настоящему. — Давай.

— Звони, как приедешь. И Рада, я очень переживаю за тебя... если ты захочешь выговориться — звони. Я всегда тебя выслушаю. — голос Ленки звучал словно признание.

Выслушав все нравоучения от подруги, Рада вернулась к могиле бабушки и дедушки, где Денис с тетей уже заканчивали намеченные работы.

— Неси вербу! Пора красоту наводить, — скомандовала тетка.

Послушавшись наставлений, Рада поставила свежий букет вербы на могилу. Ветви, только что зелёные и живые, вдруг поблекли, а серёжки тут же осыпались пеплом, будто за считанные секунды прошел весь цикл их цветения. Однако девушка этого не заметила — быстро отвернулась с чувством выполненного долга.

Рада обвела взглядом ближайшие могилки. Везде кипела работа — люди копали, красили, поливали цветы. Но всё происходило в какой-то странной тишине. Ни смеха, ни разговоров. Только скрежет лопат, шорох метлы и редкие вздохи. Словно каждый был погружён в свои мысли — или в чужие.

Взгляд Рады задержался на одном надгробии. На фотографии — мужчина в старомодной рубаше, с усами, глаза закрыты. И вдруг... на мгновение — она точно это видела — его веки дрогнули. Не моргнули, нет. Дрогнули, будто под ними что-то шевельнулось, словно кто-то изнутри пытался пробиться наружу. Его скорбь больше не казалась застывшей — она пульсировала, живая и осязаемая. Рада почувствовала, как эта скорбь вплетается в её собственную, тянется к ней, будто ищет выхода.

Мужчина скорбел. Не как изображение — как живой. Скорбел со своей семьёй, чьи имена тускло поблёскивали на камне рядом. Скорбел вместе с ней, заполняя её сознание тяжёлым, древним горем, от которого перехватывало дыхание. Казалось, он знал что-то такое, что люди давно забыли, — забытое слово, ключ к чему-то запретному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.